

Лейкин Николай Александрович

Сусальные звезды. Роман

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Н63

Н63 **Николай Александрович Л.**
Сусальные звезды. Роман / Лейкин Николай Александрович – М.: Книга
по Требованию, 2022. – 424 с.

ISBN 978-5-519-92961-5

ISBN 978-5-519-92961-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

датай. Взяли въ буфетѣ, что слѣдуетъ. Одиннадцать рублей взяли за посуду, намъ, лакеямъ, далъ два рубля. Пѣвицамъ двѣ бутылки лафиту поставилъ и уѣхалъ съ пріятелями.

— Купецъ?—спросилъ кто-то.

— Нѣтъ, онъ не купецъ. Онъ какой-то бабушкинъ внукъ или воспитанникъ. Генеральша бабушка у него, и богатая-пребогатая. А самъ онъ служитъ гдѣ-то по чиновничьей части. Вотъ онъ урветъ у бабушки малую толику изачертить,—сообщилъ лакей съ сѣдыми бакенбардами.—Въ Альгамбрѣ онъ разъ люстру съ корнемъ изъ потолка...

— А я думалъ, купецъ...

— Купцы нынче рѣдко... Купцы поприжались. Да и образованіе пошло. А такъ вотъ... маменькины сынки или тетенькины племянники! Ну, и купчики изъ молоденькихъ. А настоящій купецъ, коли онъ выпивши, онъ нынче только чудитъ... Сейчасъ съ пѣвицами торговаться, почему за пѣсню. На вино тоже торговаться... Выторгуешь на марку полтину—и пьетъ ее, и радъ, что выторговалъ, хоть грошъ да выторговалъ, а въ остальномъ онъ денегъ не жалѣетъ. Смотри-ка, Галактѣвъ, канарейка-то въ клѣтѣ подохла,—сказалъ лакей съ сѣдыми бакенбардами.

Гладкобритый упитанный лакей съ лицомъ, смахивающимъ на бульдога, подошелъ къ клѣтѣ и произнесъ:

— Подохла и есть... Шестая ужъ это. Не могутъ онѣ, братецъ ты мой, здѣсь жить.

— Да... Воспаренія эти самыя не позволяютъ. Табачная воздушность, ну, и винный запахъ. Теперича изъ десятка клѣтокъ только четыре остались. Надо будетъ хозяину сказать, что издохла.

Въ зимнемъ саду показался молодой человѣкъ, брюнетъ, еврейскаго типа, въ барашковой шапкѣ, безъ бороды и усовъ, съ бровями дугой, въ розовой сорочкѣ и гороховаго цвѣта парочкѣ. Онъ потиралъ отъ холода руки.

— Еще не убрано? Позвольте... А у насъ въ часъ дня назначена репетиція!..—воскликнулъ онъ и, обратясь въ офиціантамъ, спросилъ:—Чего-жъ это вы до сихъ поръ копаетесь!

— Чего копаетесь!—огрызнулся старикъ лакей, скосивъ на него глаза.—Сегодня въ восьмомъ часу утра послѣдніе гости ушли изъ кабинетовъ... Да вѣдь, я чай, намъ нужно и поспать на себя...

— Торопитесь хоть зимній-то садъ скорѣй убрать. Репетировать будемъ на сценѣ. Сегодня два новыхъ номера: у русскаго хора номеръ и у нѣмокъ.

— Сцена ваша въ лучшемъ видѣ готова. Можете хоть сейчасъ начинать,—откликнулся бульдогообразный лакей.

— Но нельзя-же въ такой пыли пѣть. Пожалуй-ста поторопитесь. Съ танцорами также придется мнѣ номеръ пройти. Ключъ отъ пьянино нашли?

— Никакого ключа нѣтъ.

— Странно. Я только у двухъ столовъ вчера и сидѣлъ. Вотъ у этого и у того. Ахъ, да. Поищите въ угловомъ кабинетѣ, гдѣ пьянино. Тамъ русскій

хоръ пѣлъ, и я акомпанировалъ. Неужели и кухня еще закрыта? Я чаю дома не пилъ.

— Чаю можно подать. Кухонный мужикъ давно ужъ вставши и кубъ кипятъ,—далъ отвѣтъ одинъ изъ официантовъ.

— Такъ чаю вотъ на этотъ столъ и два прибора. Зоя Кондратьевна сейчасъ придетъ.

Молодой человѣкъ закурилъ папирску и усѣлся у столика, продолжая потирать озябшія руки. Это былъ пьянистъ и акомпаниаторъ кафе-шантана при загородномъ ресторанѣ Олимпъ. По паспорту онъ былъ Давидъ Шнуръ, но въ увеселительныхъ программахъ писался Хоперскимъ и отеликался, когда его звали Дмитріемъ Осиповичемъ.

Принесли чай. Зимній садъ былъ уже выметенъ, поднятая пыль улеглась. Возшла полная рослая барынька въ возрастѣ за сорокъ, сильно накрашенная, съ подведенными бровями, въ шубкѣ съ куньимъ воротникомъ съ хвостами, съ куньей оторочкой и въ куньей шапочкѣ на бокъ. Это была Зоя Кондратьевна Колкина, содержательница хора русскихъ пѣвицъ, но по ремеслу акушерка. Пѣвицы ея хора за глаза и между собою иначе ее и не называли, какъ „наша акушерка“.

— Батюшки! Да вы еще и репетиціи не начинали!—воскликнула она, увидя Хоперскаго.

— Да никого еще нѣтъ,—отвѣчалъ тотъ.

— Какъ нѣтъ? Гдѣ-же мои барышни? Сегодня въдь воскресенье, и когда я уѣзжала къ обѣднѣ,

такъ нѣкоторые были уже проснувшись и курили папиросы.

— Никого нѣтъ,—развелъ руками Хоперскій, подскочилъ къ ней, взялъ ее за руку, отыскалъ голенькое мѣсто между рукавомъ шубки и надѣтой перчаткой и сочно поцѣловалъ это мѣсто крупными красными губами, задѣвъ при этомъ и бывшій на ея руцѣ золотой браслетъ.—Нѣмки ужъ на что аккуратны, а ихъ нѣтъ,—прибавилъ онъ.—Можетъ быть изъ-за того, что воскресенье?

— Что имъ воскресенье! Нѣтъ, надо нашимъ задать хорошую гонву! Репетиція назначена въ часъ—въ часъ онѣ и должны быть. Можно даже оштрафовать.

— Чайку, божественная?—предложилъ Хоперскій.

— Чаю—пожалуй, потому что, ѣхавши изъ церкви, озябла. Но я ѣсть хочу. Я не завтракала.

Колкина присѣла къ столу.

II.

Вскорѣ зимній садъ ресторана „Олимпъ“ огласился громкимъ женскимъ говоромъ. Входили пѣвицы хора Колкиной. Ихъ было девять. Большинство изъ нихъ никакой красотой не отличались, лица у всѣхъ были помятыя, двѣ пѣвицы были даже далеко уже не первой молодости, но одна была совсѣмъ хорошенъкая и молоденькая,

хотя также съ блѣднымъ, уже утомленнымъ лицомъ. Она могла назваться еще только подросткомъ. Ей едва-ли исполнилось шестнадцать лѣтъ. Звали ее Настей. Это была любимица Колкиной. Взяла она Настю годъ тому назадъ во время Крещенской ярмарки въ Харьковѣ, гдѣ хоръ Колкиной пѣлъ въ одномъ изъ ресторановъ, взяла отъ забулдыги отца-вдовца, который радъ былъ отъ нея отдѣлаться. Колкина одѣвала и обувала Настю, давала ей полное содержаніе, но жалованья ей не полагалось. Впрочемъ, на покупку мелкихъ бездѣлушекъ у Насти всегда были кое-какіе гроши, которые она получала отъ дѣлежа, когда хоръ пѣлъ за отдѣльную плату въ кабинетѣ. Деньги, добытыя за пѣніе въ кабинетѣ, обыкновенно, дѣлились такъ: половина шла Колкиной, а другая поровну распредѣлялась между пѣвицами хора. Настя не вдругъ сдѣлалась пѣвицей. Сначала у нея былъ только одинъ „номеръ“—танцы. Вмѣстѣ съ сыномъ одной пѣвицы, мальчикомъ Гаврюшкой, Настя въ сарафанѣ и кокошникѣ танцевала русскую и казачка, но Гаврюшка началъ „баловаться“, кралъ деньги и вещи у матери и у другихъ пѣвицъ, и мать сочла за лучшее отдать его въ ученіе въ слесаря, а Настя, прислушавшись къ исполняемымъ пѣснямъ и куплетамъ, вступила въ хоръ настоящей пѣвицей.

Хоръ Зои Кондратьевны Колкиной, очевидно, особеннымъ успѣхомъ не пользовался, ибо всѣ пѣвицы его были въ очень отрепанной и потертой

верхней одеждѣ. Только на одной изъ пѣвицъ была ротонда изъ бѣлой ангорской козы, крытая полинявшимъ уже малиновымъ бархатомъ. Еще три пѣвицы были въ пальто съ мѣховыми воротниками, а у остальныхъ, въ томъ числѣ и у Насти, даже и мѣховыхъ воротниковъ не было. На Настѣ темносинее драповое пальто съ оторочкой фальшиваго горноста на воротѣ, обшлагахъ и карманахъ. Но за то всѣ пѣвицы имѣли мѣховые хвосты, которыми были обмотаны ихъ шеи, словно это была какая-то форма хора.

Когда пѣвицы вошли въ зимній садъ, Колкина тотчасъ же обратилась къ нимъ и, сдѣлавъ строгое лицо, произнесла начальническимъ тономъ:

— Поздно, поздно, мадамы и мамзели, являетесь! такъ нельзя... Репетиція назначена въ часъ, а вы до второго часа дома прохлаждаетесь.

— Вамъ хорошо такъ разсуждать, если вы вчера въ часъ ночи изъ ресторана ушли и спать завалились,—проговорила пѣвица въ козьей ротондѣ.— А мы здѣсь до пятиго часа утра проваландались, такъ нужно же поспать.

— Прошу мнѣ такъ не отвѣчать!—оборвала ее Колкина.—Во-первыхъ, я никогда и никуда не заваливаюсь, а ложусь, а во-вторыхъ, все это чистѣйшій вздоръ: Въ одиннадцать часовъ утра я уѣхала изъ дома къ обѣднѣ и когда одѣвалась, то почти всѣ были уже проснувшись и курили папиросы.

— Покурили, покурили да и опять заснули, — возразила пѣвица въ бѣличьемъ воротникѣ. — Не

спать вовсе, такъ вѣдь и чахотку схватишь, Зоя Кондратьева. Сами же вы говорите, что по акушерской части учились и даже многое по докторской части знаете, стало быть и понимать должны.

— Ну, довольно, довольно...

— Потомъ встали, умылись, причесались, кофею напились...—послышался третій голосъ.

— Я сказала, что довольно—ну, и довольно!—возвысила голосъ Колкина. — Въ слѣдующій разъ, если такъ случится—я всѣхъ оптрафую.

— О!.. скажите!.. Сейчасъ мы и поддадимся акушеркѣ... Какъ акушерка наша распѣтушилась! — шептали дѣвушки себѣ подъ носъ, но такъ что ужъ Колкина ничего не слыхала,—и разбрелись по зимнему саду.

Хоперскій, сидѣвшій за столикомъ противъ Колкиной, наклонился въ ней и съ улыбкой прошепталъ:

— Какъ грозна у насъ мать командирша!

— О, съ ними безъ этого нельзя! Ихъ только распусти, такъ онѣ на шею тебѣ сядутъ,—отвѣчала Колкина.—Вы смотрите, какъ Цвибель своихъ нѣмокъ держитъ. Онѣ у него по стрункамъ ходятъ.

— Оттого-то, должно быть, ихъ до сихъ поръ нѣтъ на ретиціи, а между тѣмъ имъ тоже въ часъ дня назначено.

— Самъ приведетъ. Самъ задержалъ, самъ и приведетъ. Онѣ имъ по воскресеньямъ особый завтракъ дѣлаютъ: раки и сосиски съ кислой капустой... И даетъ по кружкѣ пива,—сообщила Колкина.

— Krebs und Wurst essen? Знаю...— пробормоталъ Хоперскій, допивая свой стаканъ съ чаемъ и прибавилъ:— А хорошая это вещь раки и сосиски, Зоя Кондратьевна!

— Еще-бы... Ему было баловать своихъ нѣмокъ можно. Онѣ у него аккуратныя... Костюмы свои берегутъ. Ёсть садятся—салфетками завѣшиваются, вино или пиво пьютъ—подъ донышкомъ платки носовые держатъ, чтобы не закапаться. Да и не съ мое онъ получаетъ отъ здѣшняго хозяина.

— Директоръ-съ... Директоръ онъ, а не хозяинъ,— перебилъ Колкину Хоперскій. — Не смѣйте его такъ называть—обидится. Я разъ такъ его назвалъ, такъ онъ мнѣ цѣлую нотацію прочиталъ. Потомъ повелъ меня къ афишкѣ, указываетъ и говоритъ: „читайте: „Директоръ-учредитель Пантелеймонъ Гавриловичъ Урываевъ“.

— А, ну его!—съ неудовольствіемъ произнесла Колкина и продолжала:—Такъ вотъ мы о нѣмкахъ. Нѣмки аккуратныя... А я своимъ русскимъ дурамъ только два мѣсяца тому назадъ спила мавританскіе костюмы, а они у нихъ ужъ и винищемъ залиты, и мороженымъ замазаны. А вѣдь каждый изъ костюмовъ...

— Ну, а все-таки вы когда нибудь раками и сосисками попотчуйте,—перебилъ ее Хоперскій.

— Ихъ? Барышень моихъ? Бабенокъ? Да за какія это благи?—воскликнула Колкина...

— Меня, меня, Зоя Кондратьевна, а не пѣвицъ. Пьяниста вашего хора...

— Ахъ, васъ. Ну, это дѣло другое. Только вѣдь вы жидовинъ, таеъ какія вамъ сосиски!

— Пхе! Все ѣмъ, Зоя Кондратьевна, все...

И Хоперскій махнулъ рукой.

— Ну, васъ-то можно... Съ удовольствіемъ... Приходите когда нибудь часа въ три, въ четыре... Однако, что же вы не начинаете репетицію? Сидите и бобы разводите...

Хоперскій вскочилъ со стула, вытянулъ передъ Колкиной шею, сдѣлалъ пейсы изъ волосъ, нахлобучилъ на затылокъ шапку и заговорилъ съ еврейскимъ акцентомъ, представляя жида:

— Увлекся таково любезнаго дама...

Колкина засмѣялась и спросила:

— Отчего вы еврейскія сцены не рассказываете? Вѣдь за этотъ номеръ могли бы брать особо съ дирекціи.

— Пфай! Какъ возможно! мой Папенъка почтеннаго равинъ и проклянетъ меня!

Хоперскій отбросилъ волосы назадъ, выпрямился, поправилъ шапку и захопалъ въ ладоши, крича:

— Мадамы! Мамзели! Госпожи артистки! Пожалуйста на сцену! Репетиція!

На сценѣ стали появляться пѣвицы. Онѣ уже сняли съ себя верхнюю одежду и были въ платьяхъ.

III.

Шла репетиція русскаго хора. Разучивали новый нумеръ. Съ нотами были знакомы только три пѣвицы. Остальныя не имѣли никакого понятія о нотахъ, и Хоперскому приходилось играть для хора голоса, а затѣмъ уже пѣвицы повторяли слова за музыкой. Съ сопрано Хоперскій проходилъ отдѣльно, съ контральто отдѣльно, но когда заставилъ пѣть всѣхъ вмѣстѣ—пѣли въ унисонъ. Онъ останавливалъ пѣвицъ и начиналъ вновь. Поминутно слышался его голосъ:

— Нѣтъ, такъ нельзя, барыньки. Сначала!

И начинали сначала.

Колвина сидѣла около акомпаниатора Хоперскаго.

— Позвольте, Дмитрій Осиповичъ!.. — сказала она.—Что-же они стоятъ безъ движенія, какъ тротуарныя тумбы? Надо придумать какія нибудь движенія во время пѣнія.

— Движенія потомъ, Зоя Кондратьевна. Дайте ихъ обучить сначала голосу. Начинайте, мамзели!

Хоперскій ударилъ по клавишамъ. Хоръ спѣлъ лучше. Хоперскій ломалъ свои пальцы и говорилъ:

— Завтра я попробую, нельзя-ли тутъ соло сдѣлать. Мнѣ кажется, должно лучше выдти, если одна будетъ запѣвать двѣ первыя строчки куплета, а остальныя будутъ только подхватывать.